

ПЕРВЕРСИЯ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу сексуальной перверсии, которая является неотъемлемой частью человеческого существования и рассматривается как продукт психического и телесного. В связи с этим перверсия становится одним из способов самоидентификации и утверждения индивидом собственной уникальности и индивидуальности. Таким образом, сексуальная перверсия, как и сексуальность вообще, является необходимым фактором в процессе обретения себя.

Ключевые слова: перверсия, самоидентификация, влечение.

Статья присвячена аналізу сексуальної перверсії, що є невід'ємною складовою людського буття і розглядається як продукт психічного та тілесного. У зв'язку з цим перверсія стає одним із засобів самоідентифікації й утвердження індивідом власної унікальності та індивідуальності. Таким чином, сексуальна перверсія, як і сексуальність узагалі, є необхідним фактором у процесі здобування самого себе.

Ключові слова: перверсія, самоідентифікація, потяг.

This paper has been devoted to the analysis of the sexual perversion that is an integral part of the human being. The perversion has been examined as a product of the mental and somatic. In accordance to this, perversion stands out as one of the modes of self-identification and affirmation of personal unique and individuality. Thus sexual perversion as the sexuality in general has been an essential factor in the process of finding yourself.

Keywords: perversion, self-identification, inclination.

Актуальность. Проблематизация и актуализация феномена перверсии обусловлена тем, что философская мысль XX века значительно расширила область традиционного философствования введением в сферу обсуждения тех вопросов и той тематики, которые ранее по ряду причин не анализировались. В частности, это касается такого многогранного понятия, как «сексуальность», связанного с проблематикой телесности, эротизма, пола, гендера и субъективности вообще. С осмыслением сексуальности происходит и осмысление перверсии. Перверсия теперь рассматривается не только как патологическое состояние, но и как особого рода бытие индивида, как одна из возможностей конституирования себя в качестве субъекта посредством различных сексуальных практик.

В связи с этим **цель статьи** состоит в попытке переосмысления феномена перверсии, а **задача** – показать, что перверсия является одним из важных факторов в определении собственной сексуальной идентичности и, как следствие, своей субъективности.

С открытием феномена сексуальности, неизменно связываемого с телом и телесностью, происходит открытие и сексуальной перверсии (чаще всего воспринимаемой как извращенность), которая рассматривается как продукт

психического (душевного) и телесного.

Сексуальная перверсия, расцениваемая как патологическое сексуальное поведение (из-за отклонений в выборе сексуального объекта или из-за отклонений от нормального гетеросексуального полового акта) очень часто рассматривается как нечто негативное, как проявление и воплощение деструктивных интенций и потенциалов индивида. Но, так или иначе (и это отмечал еще З. Фрейд), определенные элементы подобной сексуальной активности при определенных обстоятельствах встречаются почти у каждого здорового индивида. Ч. Ломброзо отмечает, что в любви «помешанных» в преувеличенном виде представлены наклонности здорового индивида [2].

Тем не менее, извращенность (перверсивность), иногда при всем своем ярко выраженном патологическом характере, является неотъемлемым элементом человеческого существования, элементом, без которого бывает невозможно (или очень сложно) определить собственную сексуальную идентичность, что, в свою очередь, вызывает трудности в конституировании себя как субъекта сексуальных отношений. В связи с этим можно предположить, что извращенность может стать неотъемлемым (а иногда единственным) способом выражения и утверждения индивидом собственной индивидуальности и уникальности.

Современный индивид соматизируется, становится «говорящим телом», способным выражать свой смысл, и сексуальность здесь выступает определяющим элементом. Отныне индивид – своего рода «энергетический субстрат» неосознанных влечений, смысл которого детерминирован сексуальным желанием.

Сосредоточенный только на себе, современный индивид нарциссичен, может быть, даже неудовлетворен и несчастен, но, как правило, без угрызений совести. Как следствие соматизации, его страдание ограничивается телесным. Если индивид не подавлен, то он воодушевляется низшими и обесцененными целями в извращенном наслаждении, которое не знает удовлетворения. Сексуальность вообще и сексуальность извращенная в частности – неотъемлемый (если не определяющий) фактор в поиске и обретении себя.

Но подобное предположение подрывает морально-этические устои существующей культуры. Как следствие, сексуальность строго регламентируется и контролируется, а всякое отклонение от принятой нормы табуируется как угрожающее разрушением культуры и общества, цивилизации в целом. Это отмечают З. Фрейд в работе «Недовольство культурой» и Г. Маркузе в «Эросе и цивилизации».

Первоначально сексуальный инстинкт не знает ни временных, ни пространственных внешних ограничений в отношении своего субъекта и объекта; сексуальность по природе полиморфно-перверсна. Но общественная организация социального инстинкта табуирует как перверсии (извращения) практически все ее проявления, которые не служат функции деторождения или не подготавливают ее выполнение. Не будь этих строжайших ограничений, они бы стали препятствием для сублимации, на которой, собственно, и покоится рост культуры. З. Фрейд поставил вопрос, почему табу на перверсии поддерживается с таким чрезвычайным рвением, и пришел к заключению, что перверсии воспринимаются не просто как нечто

отвратительное, но и как нечто соблазнительное. Ученый считает, что отклонения от нормы имеют исключительный характер в силу их отказа от сексуального акта, направленного на деторождение. Перверсии, таким образом, выражают бунт против порядка, подчиняющего сексуальность производству потомства, и социальных институтов, гарантирующих этот порядок.

Г. Маркузе отмечает, что наша цивилизация находится во власти принципа производительности, где господствует отчужденный труд. Подобная цивилизация является репрессивной, поскольку в ней происходит подавление человеческой личности при помощи подавления человеческой сексуальности. Общество использует сексуальность и ее энергию как средство достижения полезных целей, перверсии же, напротив, утверждают сексуальность как самоцель. Таким образом, они выносят себя за пределы власти принципа производительности и бросают ему вызов. И поскольку устанавливаемые ими либидозные отношения содержат угрозу опрокинуть цивилизационный процесс, превративший организм в инструмент работы, общество вынуждено их изгнать или жестко контролировать. Таким образом, обретение индивидуальности и утверждение собственной уникальности посредством свободно выражаемой и реализуемой сексуальности во всех ее формах угрожает существующему порядку и устройству общества.

М Фуко в работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» также отмечает, что с конца XVII века начинается строгий учет всех проявлений сексуальности и перверсий, поскольку то, что не упорядочено принципом продолжения рода, не имело права на существование. То есть фактически сексуальность строго регламентировалась экономическими, социальными и политическими интересами государства и общества. Извращенец же, выпадающий за пределы моральных категорий и норм общества, как бы подрывает эту целостность изнутри, «...ставит себя в какой-то степени вне власти, он попирает закон; он предвосхищает, хотя бы немного, будущую свободу» [8, с. 102]. Любая перверсия рассматривается как болезнь.

Но все меняется с конца XVIII века, когда, как отмечает М. Фуко, появляется множество дискурсов о сексе и сексуальности, которые специфичны и разнообразны по своей форме, объекту, содержанию. Перверсия перестает соотноситься с болезнью. Теперь извращенность, ее границы, степень, форма определяются и фиксируются в рамках соответствия или несоответствия установленной норме. Больной трансформируется в ненормального. С конца XIX века начинается эпоха рассеивания сексуальности, ее умножения, распространения ее разнообразных форм. Извращенец получает признание.

Мы принимаем данный тезис М. Фуко и, продолжая, отметим, что конец XX века возводит в культ индивидуальность, и, как следствие, перверсия становится одним из способов выражения своей индивидуальности, своей инаковости.

Перверсия рождается, когда сексуальность перестает служить репродуктивной функции и становится самостоятельным и полноценным источником удовольствия. Начиная с 1890 года, как отмечает М. Фуко, сексуальность предстает «как корень, фундамент, общий этиологический принцип большинства других форм аномалии» [8,

с. 105]. Перверсия возникает в момент, когда безграничная энергия сексуального инстинкта, не скованная рамками так называемой «нормальной» сексуальности, поддерживается воображением. Поскольку именно воображение предоставляет сексуальности пространство, где сексуальный инстинкт может раскрыть и раскрывает свою извращенную форму.

Перверсия может брать свое начало в детских фантазиях, увлечениях и играх, выполняя при этом важные функции сохранения «Я». При определенных обстоятельствах подобная сексуальная активность в течение определенного времени может замещать «нормальное» поведение или же сосуществовать наряду с ним. Таким образом, перверсия естественна для нашего сексуального инстинкта, который уже давно освободился от гетеросексуальной генитальности и, следовательно, является естественным атрибутом в обретении себя, своей идентичности, своей субъективности и своего места и роли в социуме.

Извращенец для нас – Другой, абсолютно отличный от нас, друговость которого часто принимает монструозные черты, вследствие чего перверсивный субъект воспринимается нами как «чужой», потенциально угрожающий нашей безопасности. Но точно также в мире извращенца окружающие, с которыми он редко, а иногда и вообще не идентифицирует себя, воспринимаются им также как Другие.

Другой имеет важное значение в структуре субъективности не только «нормального» индивида, но, быть может, еще более важным Другой является для «ненормального». Это связано с тем, что для самоидентификации «нормального» индивида Другой имеет определяющую роль, поскольку посредством установления различий между «Я» и не-«Я» происходит удостоверение, утверждение себя. В структуре перверсивной субъективности, как правило, Другой исключается, что задает иной, но не менее важный, механизм для самоидентификации.

Так, например, Ж. Делёз трактует извращение как мир без Другого. Для философа Другой удостоверяет различие между сознанием и его объектом и в отсутствие Другого сознание и его объект составляют единство. По Ж. Делёзу, именно Другой вносит беспорядок в мир. «Другой – это расстройство» [1, с. 409]. Объекты, в таком случае, существуют только благодаря тем возможностям, которыми Другой заполняет мир. Каждый объект замкнут на себя или открыт другим объектам только по отношению к возможным мирам, выраженным Другим. В связи с этим объект желания, вписанный в структуру сексуальности, ни тело, ни вещь, а только лишь образ.

По Ж. Делёзу, когда мы желаем Другого, наше желание относится к этому выраженному маленькому возможному миру, который этот Другой замыкает в себе. И тела, в таком случае, не что иное, как окольные пути к достижению образов; следовательно, сексуальность достигает своей цели гораздо лучше и гораздо быстрее в той степени, в какой она экономит этот путь и адресуется напрямую к образам, освобожденным от тел.

Другой у Ж. Делёза – это окольный путь, низводящий желание до объектов и любовь до миров. Сексуальность связана с порождением желания только окольным путем, который впервые канализирует различие полов через Другого. Изначально

именно в Другом и через Другого обнаруживается это различие полов. Установить мир без Другого – означает избежать окольного пути. Это означает отделить желание от его объекта, от его окольного пути через тело для того, чтобы связать его с чистой причиной, то есть с образом.

Ж. Делёз проясняет, что Другой – не особенная форма внутри восприятия, а скорее система, которая обуславливает функционирование всего поля восприятия вообще. Следовательно, необходимо различать априорного Другого, который обозначает эту структуру, и конкретного Другого, который обозначает реальные элементы, которые актуализируют эту структуру в конкретных полях. Ж. Делёз считает, что если этот конкретный Другой всегда является кем-то – я для тебя, а ты для меня, то есть в каждом поле восприятия присутствует субъект другого поля – то априорный Другой, с другой стороны, не есть кто-то, поскольку структура является трансцендентной по отношению к элементам, которые актуализируют ее. «Априорный Другой» – это существование возможного мира вообще, поскольку возможное существует только как выраженное – то есть в чем-то выражающем его, которое не похоже на то, что выражено. Даже желание, будь-то желание, направленное на объект или желание Другого, зависит от этой структуры. В таком случае оказывается, что мир не ввергается в беспорядок из-за отсутствия Другого, но, наоборот, оказывается скрытым за присутствием Другого. В этом смысле перверсивная структура может быть рассмотрена как то, что противоположно структуре Другого и занимает ее место.

В связи с этим Ж. Делёз отмечает, что Ж. Лакан и его школа имеют все основания настаивать на необходимости понимания извращенного поведения на базе структуры и на необходимости определения этой структуры, которая обуславливает поведение, а также на том способе, каким различие полов отвергается извращенцем в пользу андрогинного мира двойников; на аннулировании Другого внутри извращения. Ж. Делёз приводит пример: садист лишает последнего качества быть Другим вовсе не потому, что он испытывает потребность или желание причинить Другому страдание. Скорее, наоборот: именно потому, что он испытывает недостаток в структуре Другого и живет в совершенно иной структуре как неком условии своего жизненного мира, поэтому и воспринимает других то как жертв, то как сообщников, но ни в коем случае как других. Напротив, он всегда воспринимает их как иных, чем Другой.

Ж. Делёз считает, что фундаментальная ошибка в интерпретации перверсии, обусловленная непродуманностью феноменологии перверсивного поведения и определенными юридическими требованиями, состоит в увязывании перверсии с преступлениями против Другого. С точки зрения поведения, все убеждает в том, что перверсия – ничто без Другого: вуайеризм, эксгибиционизм и т. д. Но, по мнению философа, «с точки зрения структуры мы должны утверждать обратное: именно потому, что структура Другого исчезла и замещена совершенно иной структурой, реальные „другие“ более не способны играть роль элементов, актуализирующих утраченную первичную структуру» [1, с. 420]. Во второй структуре реальные «другие» могут теперь играть только лишь роль тел-жертв (в том крайне особом

смысле, который извращенец приписывает телам) или же сообщников-двойников, сообщников-стихий (опять же в особом смысле извращенца). Мир извращенца, считает Ж. Делёз, это мир без Другого, а следовательно, и мир без возможного. Другой – это тот, кто предоставляет возможное. Извращенный мир – это мир, в котором категория необходимого полностью заместила категорию возможного. В таком случае всякая перверсия – это, по Ж. Делёзу, «другоубийство» и «альтруицид», а значит, убийство возможного. Но альтруицид не совершается посредством перверсивного поведения, он предполагается в перверсивной структуре.

Таким образом, мы видим, что данный феномен нуждается в своем дальнейшем исследовании и не только в рамках философии и психоанализа, но также права и социологии.

В качестве **выводов** можно отметить следующее. Перверсия – феномен, относящийся не только к области аномалии, но и имеющий важное значение в психической жизни, развитии и поведении каждого индивида.

Проанализировав особенности механизма перверсии, можно сказать, что перверсия представляет собой некий особый род бытия индивида. Это обусловлено обособлением сексуальности от репродуктивной функции, что позволяет освободившемуся удовольствию реализовываться в неисчислимом множестве актов и форм.

Далее, как в «нормальной», так и в «ненормальной» субъективности важную роль играет Другой, который удостоверяет факт собственного бытия и возможность процесса субъективации.

Из всего вышесказанного можно заключить, что, несмотря на всю многоплановость и противоречивость данного феномена, перверсия является естественным и неотъемлемым компонентом человеческого существования и может совершенно оправданно претендовать на то, чтобы быть одним из способов самоидентификации, что дает возможность для выражения своей индивидуальности.

Литература:

1. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого / Ж. Делез // *Логика смысла* / Ж. Делез. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
2. Дельоз Ж. Капіталізм і шизофренія: Анти-Едіп / Ж. Дельоз, Ф. Гваттари. – К. : Карме синто, 1996. – 382 с.
3. Дениско Л. Н. Постмодернистское видение телесного бытия / Л. Н. Дениско, Л. М. Газнюк // *Вестник ХГУ. Серия философия. Философские перипетии.* – Х., 1998. – № 409. – С. 40–41.
4. Ломброзо Ч. Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо. – Мн. : Попурри, 2000. – 90 с.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; [пер. с англ.]. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 246 с.
6. Психоаналитические термины и понятия: Словарь / под ред. Барнесса Э. Мура и Бернарда Д. Файна ; пер. с англ. – М. : Независимая фирма «Класс», 2000. – 304 с.
7. Фрейд З. Недовольство культурой / З. Фрейд // *Психоанализ. Религия. Культура* / З. Фрейд. – М. : Ренессанс, 1992. – 296 с.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
9. Фуко М. Забота о себе / М. Фуко. – К. : Дух и литера ; М. : Релф бук, 1998. – 282 с.

*Божко И.А. ПЕРВЕРСИЯ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА:
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

10. Фуко М. История сексуальности. Т. 2 : Инструмент насолоды / М. Фуко. – Х. : Око, 1999. – 212 с.

11. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2004. – 432 с.